

УДК 32:001.12/18
ББК 66.2

НУМИНОЗНОСТЬ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.Х. Сукиасян

В данной статье автор рассматривает нуминозность как институциональное условие взаимодействия российского бизнеса с политической властью на современном этапе сквозь призму социокультурного раскола.

Ключевые слова: политическая власть, бизнес-сообщество, заинтересованные группы, нуминозность, институциональный, условие, социокультурный раскол, социальная ответственность.

Взаимодействие власти и бизнеса в современной России – это своеобразный маркер состояния гражданского общества. Бизнес как политический институт (устойчивый комплекс формальных и неформальных правил политического поведения, совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности) детерминирует контуры политической системы посредством социально ориентированной деятельности. Политическая система функционирует в качестве относительно самостоятельного комплекса социальных институтов и политических отношений. Как часть общества, функционируя в социальной среде, политическая система подвергается влиянию тех воздействий, которые исходят извне, от общества, а также побудительных мотивов изнутри взаимодействий ее институтов, ценностей и т. д. Политологические воззрения относительно корпоративной социальной ответственности бизнес-сообщества характеризуются потребностью поиска способов усиления роли бизнес-сообщества в процессах социальной консолидации и оснований соци-

ального признания или подтверждения законности полномочий (легитимации) бизнеса посредством формирования, развития и поддержания социально-политической инфраструктуры. Основанием социальной ответственности является социальное действие, которое характеризуется преднамеренностью, мотивированностью и ориентированностью на другого (других).

В современном мире существуют несколько укоренившихся моделей корпоративной социальной ответственности (КСО), каждая из которых характеризует определенный социально-политический установившийся порядок. Но в целом доктрина корпоративной социальной ответственности является внутренне присущей частью усилий по созиданию общества благосостояния. Мозаика международных моделей КСО (Европа и США) детерминируется следующей альтернативой: бизнес собственными силами, без посторонних влияний устанавливает меру своего вклада в развитие общества, или формальные и неформальные институты формулируют свой категорический императив в соответствии с социальными потребностями. В последнее время в современной России тематика социальной ответственности бизнеса приобрела широкий общественный резонанс ввиду нового формата взаимоотношений между бизнес-сообществом и политической властью. Бизнес-сообщество обязали стать социально ответственным ради сохранения статус-

кво в отношениях с государством. Вместе с тем общественная полемика о социальной ответственности обычно берет в расчет только вопросы функционирования бизнеса. И это обоснованно: деятельность бизнеса вызывает амбивалентные оценки у социума, во взаимоотношениях власти и бизнеса главенствующую роль играет власть, а подчиненную – бизнес. Само условие, обстоятельство, необходимое для реализации социальных проектов, указывается именно властью. Формируя определенную налоговую и иную политику в отношении бизнеса как на федеральном, так и на местном уровнях, власть может созидать условия или препятствовать как развитию бизнеса вообще, так и социальным проектам бизнес-сообщества. В свете этого в последние годы сформировалось понимание необходимости пересмотра положений социально-экономического и политического развития страны – осуществления модернизации. Заинтересованные группы и общество в целом по причине слабости современных гражданских структур и традиций публичных действий не оказывают значительного влияния на бизнес. Поэтому наблюдается нецелостное восприятие концепции корпоративной социальной ответственности. Доктрина корпоративной социальной ответственности ориентирована на ближний круг стейкхолдеров (заинтересованных групп) – государство, собственников и персонал. Это происходит по большей части из-за того, что в России основными акторами, использующими и насаждающими принципы корпоративной социальной ответственности, являются пока еще незначительное количество наиболее развитых компаний [11, с. 8–9] или государство как нормативный центр политической системы, ее предела и оправдания [6, с. 230]. В современной России формируется этатистская модель социальной ответственности бизнеса. Согласно данной модели, в большинстве случаев бизнес-сообщество инициирует социально значимые проекты, ориентируясь на запросы органов государственной власти, муниципалитетов в отсутствие целесообразной законодательной базы для реализации подобных практик.

Выявлены три основные модели взаимодействия власти и бизнес-сообщества [16]:

- административное принуждение – власть (вето-группа – уполномоченные принимать политические решения [18, с. 78]) требует от бизнеса вполне определенных вложений в реализацию ее социальных программ и проектов, при этом конкретные параметры возможной компенсации со стороны власти затрат бизнеса не обозначаются, а отказ бизнеса от удовлетворения просьб власти чреват применением, например, санкций в отношении его доступа к ресурсам;
- торг вокруг условий поддержки бизнес-сообществом социальных программ и проектов власти – предметом торга выступают масштабы и направления расходов бизнеса и способы их компенсации властью;
- невмешательство – власть не занимает активной позиции по отношению к внутренней и внешней социальной политике, проводимой бизнесом, а бизнес осуществляет ее независимо от власти. По мнению автора, данный формат отношений уместен тогда, когда в бизнес-структурах задействованы аффилированные лица.

На наш взгляд, сложившаяся система чрезмерной политической опеки, превозносящая необходимость политической контроля над современным российским бизнес-сообществом, формирует новый тип модуса политического сознания отечественного бизнес-сообщества – нуминозность. Данное понятие характеризует важнейший аспект политического опыта бизнес-сообщества, приобретенного ввиду систематического воздействия политической власти, вызывающей особое состояние «страха и трепета» у бизнес-сообщества.

Автор считает, что вышеизложенное объясняется историческим развитием, которое сформировало относительно «монотонно-устойчивое» равновесие (восстанавливающееся после незначительного отклонения, даже в позитивную сторону) отношений между государством и бизнесом в свете социокультурного раскола. Суть данного феномена состоит в том, что самопроизвольно усиливающаяся социальная дифференциация не была перманентно уравновешена формированием ин-

тегративных систем, функционирующих в соответствии с принципом обратной связи. Поэтому только государство выступало как единственный интегратор, притом наименее легко поддающийся изменениям, преобразованиям. И в этой связи социально-политическая деятельность бизнеса рассматривается через призму интересов и политики российского государства, ввиду чего особого внимания заслуживает модель общества, представленная в исследованиях А.С. Ахиезера. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, в деятельности миллионов, внутри самого социума. Основной объект анализа при этом – раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов – вечевое (соборное, либеральное) и авторитарное (абсолютистское, тоталитарное). Раскол между ними обуславливает невозможность медиации (внутренняя закономерность поиска нового смысла в сфере между полюсами, незначительно воплощенная в русской культуре), но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход между двумя крайними точками инверсии (логика метания между полюсами-абсолютами, игнорирующая смыслоформирующую «сердину» и характерная для динамики русской культуры [9]) – от вечевого идеала (соборности) к авторитаризму (абсолютизму) и наоборот. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный – в период развития страны и менее удачный – в период катастроф. Именно расколу, по мнению Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении социальных кризисов. При этом основное содержание конфликта – «конфликт двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)», внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, осмысление и, соответственно, преодоление раскола, как полагает Ахиезер, прежде всего долж-

но быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории, ибо раскол – это состояние общественного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого (цит по: [15, с. 26]). Логика соответствующих исследований в России такова, что центр внимания постепенно смещается к проблемам социокультурной модернизации. Под социокультурной модернизацией подразумевается формирование определенного типа сознания (и детерминируемых им поведенческих практик индивидов, групп), протекающее во внутреннем единстве с формированием соответствующих социальных институтов [27, с. 5]. Процесс социокультурной модернизации характеризуется зачаточным состоянием. Наблюдается разложение традиционалистских взглядов. Однако при этом не надо путать временные, ситуативные откаты назад с устойчивой долговременной тенденцией разложения традиционалистской модели сознания, ее эрозией. Достаточно типична для современной России ситуация, когда отказ от традиционалистских норм не приводит к принятию ценностей модерна, заменяясь прагматизмом и утилитаризмом [28].

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что социокультурные особенности оказывают существенное воздействие на содержание корпоративной социальной ответственности, на поступки ее субъектов. На самом деле, высокий уровень коллективизма и дистанцированности от власти, патернализм, этатизм и система ценностей, характеризующаяся рассогласованностью приоритетов в иерархии ценностей различных социальных групп, детерминируют особенности взаимоотношений бизнеса, власти и общества в современной России. Следовательно, в рамках данного подхода одной из основных задач выступает выявление ценностных критериев общества, при этом обращается внимание на наиболее значимые характеристики социокультурного типа общества. В свете этого проводится сравнительный анализ доминантных ценностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных параметров общества в целом – с другой. Соответственно, функция социокультурного подхода сводится к выделению постоянных, устойчивых оснований культуры, определяющих эволюцию опреде-

ленного типа общества посредством социальных амортизаторов (согласно социокультурному словарю Ахиезера, социальные амортизаторы – социокультурные институты, способные воспринимать сигналы о развитии социокультурных противоречий и принимать меры по их преодолению, стимулировать способность общества следовать социокультурному закону).

Государство воспринимает бизнес-сообщество в большинстве случаев как нечто вспомогательное, «подручное», тем самым формируя «холопское политическое сознание», «придворную фронду». Следовательно, нуминозность как модус политического сознания современного российского бизнес-сообщества выступает как необходимое условие взаимодействия бизнес-сообщества с политической властью. Автор в этой связи считает актуальным эксплицировать концепты «власть» и «государство». По выражению Ж. Баландь, власть есть средство борьбы с энтропией [2, с. 43], которая угрожает беспорядком обществу. В этой интерпретации власть идентична политической власти, а система, порождающая властные отношения, суть не что иное, как государство. Как писал М. Ротбард, политическая власть есть прерогатива государства [25, с. 343].

Наиболее рельефно обозначил факторы, определяющие взаимоотношения государства и бизнеса, А.Ю. Зудин [14]. Согласно ему, различные масштабы и форматы полномочий публичной власти во взаимоотношениях с экономикой и обществом способствовали формированию различных политических моделей государства, группировавшихся вокруг двух «полярных» типов – классического либерального («минималистского») и «этатистского» (самодостаточного и доминантного) государства. Важную роль во взаимоотношениях государства и бизнеса играют также исторические особенности, которые на языке институционалистов получили название «обусловленного развития» (path dependence). Взаимная связь между государством и бизнесом формирует определенные контуры как под влиянием социокультурного параметра, так и вследствие конкретного выбора политического курса [35, р. 21–22; 37, р. 8]. Учитывая существенное воздействие социокультурных

особенностей на экономические системы, в рамках сравнительной политической экономии, анализирующей разновидности капиталистических систем (varieties of capitalism), принято выделять механизмы координации двух противоположных типов: «либеральная рыночная экономика» (liberal market economies – LMEs), где государство не играет активной роли, и «координируемая рыночная экономика» (coordinated market economies – CMEs), где государство играет активную, но преимущественно косвенную роль. Как правило, к категории «либеральной рыночной экономики» относят небольшую группу стран: США, Великобританию. В разряд государств с «координированной рыночной экономикой» входит значительная часть Европы: Германия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Австрия [34]. В последнее время принято также выделять особую, третью категорию: «рыночную экономику, находящуюся под влиянием государства» («state-influenced» market economies – SMEs), где государство играет (точнее, играло в недавнем прошлом) активную и непосредственную роль в координации национальной экономики. Сюда относят Францию (как относительно успешный пример); другие страны «средиземноморского капитализма»: Италию, Испанию, Португалию, Грецию (как относительно неудачные примеры); а также некоторые страны Восточной Азии: Японию, Южную Корею и Тайвань [36, р. 3–5].

Приоритетным также фактором, определяющими взаимоотношения государства и бизнеса, является «структура государства», то есть особенности конституционного строя и конфигурации центров принятия ключевых решений. Фрагментация государства (разделение властей, федерализм и коалиционные правительства), как правило, содействует повышенной фрагментации интересов бизнеса: бизнес-сообщество будет стараться последовательно оказывать влияние на различные центры принятия решений, один за другим, до тех пор, пока не обнаружат те точки, где к их запросам отнесутся с достаточным пониманием (речь идет о полиархии – множественности центров влияния) [10]. Различные формы политической централизации государства, напротив, ограничивают доступ к центрам

формирования правительственной политики и побуждают группы интересов бизнеса к консолидации в большинстве случаев при наличии института «представительства» интересов бизнес-сообщества. Л. Шевцова называет это «пирамидальным конституционным каркасом», который может скрывать любую начинку [31, с. 321].

Кроме конституционной структуры, значительную роль играют и особенности институциональной среды как системы трансляции потребностей заинтересованных сторон, комплементарность институтов, политический режим (см.: [33, р. 83–101]). Политический режим задает рамки отношениям между государством и бизнесом. Фигурирование вопроса о доминирующей модели (или моделях) в какой-то степени символично, потому что эти отношения представляют собою дифференцированную систему, на каждом уровне (или сегменте) которой могут превалировать различные устойчивые формы взаимодействия [32]. Взаимоотношения власти и бизнес-сообщества в современной России характеризуются также институциональным компромиссом. Это некое соглашение между участниками, а также их контролерами о частичном нарушении правила, благодаря которому данное правило вообще можно выполнить (см. об этом: [22, с. 95–108; 23]). Данная институциональная среда задает гибкость, но не гибкими правилами, а возможностями гибкого ухода от законов и правил [19, с. 51]. В результате чего осуществляется обмен социально-политическими ресурсами, который может носить паритетный характер, а сделки отличаются большей надежностью, по выражению Дж. Коулмена, означающей, что обязательства будут исполнены посредством доверительной расписки, понимаемой как обязательство за услугу [17, с. 127]. Более того, в современной России существуют параллельные институциональные режимы. Один и тот же объект, одни и те же операции оформляются или регулируются разными институциональными порядками, то есть они различаются по степени легальности, но при этом замечательно сосуществуют. Это не означает, что есть свободный рынок выбора правил, он сегментирован с точки зрения этих правил [20; 21; 24]. Такой подход способствует институциональным разры-

вам в социально-политической среде, усилению склонности бизнеса к оппортунистическому поведению [3].

Специфика отношений между бизнесом и государством в России также определяется их включенностью в процесс переходного периода с учетом особенностей последнего. Во-первых, совмещение во времени «тройного перехода» – к рыночной системе, демократическим политическим институтам, а также интеграция в глобальную сеть экономических и политических связей – сделало трансформационные процессы особенно сложными и противоречивыми. Во-вторых, переориентация на новую модель развития после краха государственного социализма создала ситуацию «капитализма без капиталистов». Социальных агентов модернизации – бизнес-сообщество и формирующийся средний класс – отличает комплексная слабость. В-третьих, в результате распада структур «партии-государства» и коллапса Советского Союза в состоянии глубокого кризиса оказалось само государство. В научной литературе воспроизводятся утверждения, что в России институты и государство были заменены «сетевыми структурами власти» [30, с. 78]. Не вдаваясь в скрупулезный анализ этого тезиса, можно ограничиться следующим: российское государство отличается слабостью агентов политической социализации, низким уровнем институционализации социальных практик, неконсолидированностью (вертикальной упорядоченностью, но горизонтальной фрагментацией, что может привести к настоящей войне внутри элиты; В. Мау и И. Стародубровская называли этот феномен «предреволюционной фрагментацией общества» [26, с. 39]), большим влиянием неформальных группировок (вполне применимо гиденсовское понятие «группы взаимопомощи» [8, с. 284–285]) внутри государственного аппарата – при том, что монополия на принятие ключевых решений остается в руках представителей исполнительной власти. Но общество продолжает оставаться «государствоцентричным», «властоцентричным» [1, с. 9], то есть таким, в котором государство сохраняет большую прагматическую и символическую ценность. Еще Г. Гегель в свое время писал о России, что в ней «есть одна масса – крепостная и другая – правя-

шая» [7, с. 320], подчеркивая тем самым, что для данного общества политическая ось является ключевой.

Таким образом, отсталость альтернативных акторов модернизации способствовала тому, что контекст социально-политического развития России в постсоветский период можно охарактеризовать как «институциональную ловушку (lock-in effect)», которая имеет место при экстенсивных преобразованиях. «Государствоцентричная» модель исчерпала себя, но гражданское общество остается все еще очень слабым в лице бизнес-сообщества [5]. Гипотетический выход из институциональной ловушки может состоять в том, что власть будет инициировать формирование негосударственных партнеров [12; 13], осуществляющих субфункциональное обслуживание.

Российское бизнес-сообщество вынуждено реализовывать свою социально-политическую деятельность в контексте превалирования неформальных практик, «режима консультаций». Подобный контекст ограничивает свободу действий бизнес-сообщества в свете реализации собственных социально-политических инициатив, вследствие чего действия бизнес-сообщества нередко характеризуются компульсивностью. Подобному формату взаимодействия между властью и бизнес-сообществом в контексте социокультурного раскола есть ряд объяснений:

- особенности социокультурных составляющих сознания, характеризующегося как холистическое, интуитивное и противопоставленное механистическому, редуционистскому;
- традиции патерналистского управления – высокие социальные ожидания при инерционности социума и социальном нигилизме;
- административно-бюрократическая культура – формирование и содействие многообразной системе неформальных отношений между властными структурами и бизнес-сообществом;
- социализационный лаг. Состояние социально-политической среды и ценностные приоритеты бизнес-сообщества не соотносятся между собой непосредственно: между ними вклинивается существенный временной лаг, ибо базовые ценности

бизнеса в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали его социально-политической дееспособности;

- институционализация власти и собственности осуществлялись одновременно. Смена власти обязательно сопровождается ревизией отношений собственности;
- кризис легитимности и легальности бизнес-сообщества (в особенности крупного бизнеса) в глазах общественности из-за сомнительных итогов приватизации, социально-политической конъюнктуры 90-х гг. XX в.;
- рассогласованность приоритетов в иерархии ценностей власти и бизнеса;
- значительный диапазон накопившихся социокультурных изменений, которые не соответствуют уровню институционального развития;
- партикуляризм и аскриптивность – основополагающие черты российской власти как политического института;
- институт власти-собственности. В обществе, где функционирует данный институт, основания частной собственности зыбки, оно опирается лишь на власть правителя. В этом случае высшая власть нередко сакрализована. Феномен власти-собственности есть «имманентная специфическая сущность, квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» [4].

В результате государство, находясь на оси порядка и изменения, согласно А. Турену [29, с. 109], создает альтернативу социальному требованию посредством государственного давления и принуждения по отношению к бизнесу, вызывая у последнего «страх и трепет». Подобного рода практика исторически изжила себя и становится уже препоной для модели когерентного развития социума. Таким образом, в нынешних условиях нуминозность как институциональное условие взаимодействия российского бизнеса с политической властью выступает причиной кризиса политического развития отечественного бизнес-сообщества: кризиса идентичности, участия и легитимности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, М. Н. От вольных орд до ханской ставки / М. Н. Афанасьев // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 3. – С. 5–20.
2. Баландые, Ж. Политическая антропология / Ж. Баландые. – М. : Научный мир, 2001. – 204 с.
3. Белокрылова, О. С. Императивы институционализации взаимодействия бизнеса и власти в местном социуме [Электронный ресурс] / О. С. Белокрылова. – Электрон. текстовые дан. – 2006. – Режим доступа: <http://www.ecsoman.edu.ru>. – Загл. с экрана.
4. Васильев, Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Л. С. Васильев // Альтернативные пути к цивилизации : коллективная монография. – М. : Логос, 2000. – С. 96–114.
5. Ворожейкина, Т. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития / Т. Ворожейкина // Полис. – 2002. – № 4. – С. 60–66.
6. Гаджиев, К. С. Политическая философия / К. С. Гаджиев. – М. : Экономика, 1999. – 606 с.
7. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – Т. 7: Философия права. – 380 с.
8. Гидденс, А. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 284–285.
9. Давыдов, А. Профессия: исследователь / А. Давыдов // Демоскоп Weekly. – 2007. – 15–28 окт. (№ 305–306).
10. Дал, Р. О демократии / Р. Дал / пер. с англ. А. С. Богдановского ; под ред. О. А. Алякринского. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
11. Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 г. / под общ. ред. С. Е. Литовченко. – М. : Ассоциация менеджеров, 2004. – 80 с.
12. Зудин, А. Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) / А. Зудин // Pro et Contra. – 2002. – Т. 4, № 4. – С. 171–198.
13. Зудин, А. Политический моноцентризм в России: от режима – к системе? // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / А. Зудин ; под ред. Т. Ворожейкиной. – М. : МВШСЭН, 2004. – С. 86–96.
14. Зудин, А. Ю. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений / А. Ю. Зудин // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 6. – С. 200–213.
15. Кирдина, С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России / С. Г. Кирдина // СОЦИС. – 2002. – № 12. – С. 23–32.
16. Костин, А. В. В русле мировой тенденции – от благотворительности к социальной ответственности / А. В. Костин // Большой бизнес. – 2005. № 3. – С. 43–48.
17. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
18. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – М. : Захаров, 2005. – 384 с.
19. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. – М. : ИД «ГУ – ВШЭ», 2006. – 400 с.
20. Радаев, В. В. Деформализация правил и уход от уплаты налогов в российской хозяйственной деятельности / В. В. Радаев // Вопросы экономики. – 2001. – № 6. – С. 60–79.
21. Радаев, В. В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил / В. В. Радаев. – М. : ИД «ГУ – ВШЭ» : ИНФРА-М, 2001. – 203 с.
22. Радаев, В. В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема / В. В. Радаев / под ред. Т. И. Заславской. – М. : МВШСЭН, 2002. – С. 95–108.
23. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М. : ИД «ГУ – ВШЭ», 2003. – 328 с.
24. Радаев, В. В. Что такое экономическое действие? / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 18–26.
25. Ротбард, М. Власть и рынок: государство и экономика / М. Ротбард ; пер. с англ. Б. С. Пинскера ; под ред. Г. Сапова. – Челябинск : Социум, 2003. – 415 с.
26. Стародубровская, И. В. Великие революции: от Кромвеля до Путина / И. В. Стародубровская, В. А. Мау. – М. : Вагриус, 2001. – 440 с.
27. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России : (Опыт эмпирического анализа) / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.
28. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России : (Опыт эмпирического анализа) / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 5–20.
29. Турен, А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 205 с.
30. Урбан, М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России / М. Урбан // Полис. – 2002. – № 4. – С. 66–86.
31. Шевцова, Л. Россия: логика политических перемен / Л. Шевцова // Россия политическая / Л. Шевцова ; под общ. ред. Л. Швецовой. – М. : Московский центр Карнеги, 1998. – С. 321.
32. Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер // Полис. – 1997. – № 2. – С. 14–22.
33. Berger, S. Regime and Interest Representation / S. Berger. – Cambridge, 1981. – P. 83–101.

34. Hodges, M. Atlantic Capitalism versus Rhine Capitalism in the European Community / M. Hodges, S. Woolcock // West European Politics. – 1993. – № 16(3). – P. 329–344.

35. Martin, C. J. Consider the Source! Determinants of Corporate Preferences for Public Policy / C. J. Martin. – London : School of Public Policy, University College London, 2003. – P. 21–22.

36. Schmidt, V. Bringing the State Back into the Varieties of Capitalism and Discourse Back into the

Explanation of Change : paper prepared for presentation for the National meetings of the American Political Science Association (Philadelphia, PA, Aug. 31 – Sept. 3, 2006 / V. Schmidt. – Philadelphia, PA., 2006. – P. 2–33.

37. Wilson, G. K. Thirty Years of Business and Politics : a paper for the conference of the IPSA Research group on Business and Politics, University College London, May 2002 / G. K. Wilson. – London, 2003. – P. 2–11.

NUMINOUSNESS AS AN INSTITUTIONAL CONDITION OF INTERACTION OF RUSSIAN BUSINESS WITH THE POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA

A.Kh. Sukiasyan

In this article, the author considers the numinousness as the institutional condition of interaction of Russian business with political power in modern Russia in terms of socio-cultural divisions.

Key words: *political power, the business community, stakeholders, numinousness, institutional, condition, socio-cultural divisions, social responsibility.*